

УДК 316.4.051

DOI 10.23683/2227-8656.2017.3.3

**МОДЕРНИЗАЦИЯ
И ПАТРИОТИЗМ:
ЕСТЬ ЛИ МЕЖДУ НИМИ
СВЯЗЬ?**

Халий Ирина Альбертовна

Доктор социологических наук,
главный научный сотрудник,
руководитель сектора изучения
социокультурного развития регионов
России Института социологии РАН,
г. Москва,
e-mail: illaio@yandex.ru

**MODERNIZATION AND
PATRIOTISM: IS THERE ANY
RELATIONSHIP BETWEEN
THEM?**

Irina A. Khaliy

Doctor of Sociological Sciences,
Senior Researcher,
Institute of Sociology,
Russian Academy of Sciences,
Moscow,
Russia,
e-mail: illaio@yandex.ru

Статья посвящена выявлению превалирующей в России системы ценностей. На этой основе делается вывод о том, что в российском обществе востребована социальная модернизация и модернизация социальных взаимодействий, в первую очередь между различными социальными группами и структурами власти. Показано, что уже реализующиеся модернизационные процессы или внедрение их символов приводят к изменению отношения граждан к своему месту жительства, ослабляя патриотические настроения.

Ключевые слова: ценности, модернизация, общество, инновации, патриотизм, регионы России.

The article is devoted to the revealing of the prevailing system of values in Russia. On this basis, it is concluded that social modernization and modernization of social interactions, first of all, between different social groups and power structures, are in demand in Russian society. It is shown that the implemented modernization processes or the introduction of its symbols lead to a change in citizens' attitudes to their place of residence, weakening patriotic sentiments.

Keywords: values, modernization, society, innovations, patriotism, Russian regions.

Введение

Вот уже много лет российское общество живет в условиях модернизации, необходимость которой была объявлена Д.А. Медведевым, когда он был президентом страны (2008–2012 гг.). Однако ни тогда, ни впоследствии так и не было определено, что же должно быть модернизировано, каким образом и кто это должен делать. Не было определено даже направление, в котором должны пойти модернизационные процессы. Исходя из того, что за это время произошло, можно сделать вывод о том, что модернизация – это реиндустриализация, правда, пока главным образом в военно-промышленном комплексе. Также можно отметить реформу образования, медицинского обслуживания, Министерства внутренних дел. Но далеко не все перечисленное воспринято обществом как позитивные изменения. Скорее, наоборот, можно отметить противостояние им со стороны различных социальных групп.

Следует предположить, что это противостояние вызвано среди прочего и тем, что перемены противоречат коренным ценностям российского общества.

Современный мир уже несколько лет демонстрирует активное (а нередко и вооружённое) противоборство ценностных систем и их носителей. Агрессивное наступление западных ценностных установок (а скорее – норм и правил жизнедеятельности общества) осуществляется в ряде стран, обладающих более или менее устойчивыми традициями, составляющими основу социального и культурного бытия.

Процесс начался с разрушения в этих странах действующей системы ценностей посредством перехода к новому, рыночному укладу экономики, что повлекло за собой внедрение в сознание определённых слоёв новых (в современной терминологии – инновационных) норм и правил. Однако опыт показал, что та часть общества, которая оказалась не задействованной в рыночных отношениях как непосредственный участник экономических процессов, а заняла позицию вынужденного потребителя, эти инновации не приняла, поскольку они её практически не касаются. Зато традиционные ценности и нормы морали и нравственности многими оказались утраченными, особенно это стало заметно в 2000-е гг., когда выросла молодёжь, не заставшая времён их доминирования. Всё это касается, если посмотреть на карту мира, тех регионов и стран, в которых по сию пору сохраняется высокая национальная культура, складывавшаяся и воспроизводившаяся веками: исламский мир, Китай, Индия.

К этим же странам мы относим Россию, а, возможно, и большинство бывших республик СССР. Такая ситуация заставляет учёных раз-

личных научных дисциплин и, конечно же, социологов вновь и вновь возвращаться к теме соотношения инновационных и традиционных ценностей в современном российском обществе.

В этой связи возникает необходимость выяснить, какая модернизация будет соответствовать российской современной системе ценностей. Какова же эта система ценностей?

Основные положения доминирующей социальной парадигмы и их изменение

Ценности, идейные установки, верования и т.п. – наиболее трудный предмет исследования. Еще сложнее выявить доминирующую систему ценностей в трансформирующемся обществе, каковым вот уже тридцать лет является Россия. И дело не только в том, что это трудоемкая полевая работа, но и в выборе адекватного теоретического подхода для анализа собранных данных.

В этой связи нами избран в качестве метода сбора данных вторичный анализ социологических исследований, проведенных учеными Институтом социологии РАН за последние 10 лет, результаты которых опубликованы в институтских изданиях.

Теоретической основой их анализа избран концепт, выдвинутый западными экосоциологами в конце 1970-х гг., в соответствии с которым на каждом историческом этапе направление развития общества в целом определяется некоторой социологической парадигмой. Под ней понимается общественная доминирующая сумма идей и установок, которая управляет человеком и обществом, конструирует их восприятие окружающего мира. Эти составляющие в определенных условиях являются базисом современного состояния и тенденций развития культуры, науки, социального, экономического и политического устройства общества. В таком случае действующую социальную парадигму социологи предлагают рассматривать как доминирующую социальную парадигму (ДСП) [16]. По их мнению, каждое организованное общество имеет свою ДСП, включающую в себя ценности, традиции, верования, общественные институты и т.п. В совокупности они представляют собой то «“оптическое стекло”, через которое отдельные индивиды и группы людей воспринимают свой мир и действуют в нем» [17, с. 11].

ДСП обуславливает цели индивидов, социальных групп и слоев, их надежды и ожидания, определяющие будущее, является основой для актуализации и разрешения конкретных социальных проблем, структуру для разработки законодательства, устанавливает тип и структуру политического и экономического устройства, что в сово-

купности создает базовую систему современных общественных отношений. ДСП определяет также интерпретацию обществом своего прошлого, что необходимо для развития дальнейших социокультурных процессов.

Хотя периодическая смена парадигм, по мнению социологов, есть историческая закономерность, устранение устаревшей ДСП – невероятно трудный и сложный процесс, так как почти все ее составляющие ориентированы на поддержание существующей социально-политической системы. Вот почему борьба за утверждение новой социальной парадигмы как доминирующей является частью борьбы за власть. Социальные конфликты, возникающие на почве неприятия или отторжения каких-либо положений новой парадигмы или, наоборот, попытки их встраивания в действующую ДСП, являются частью политического процесса.

Без сомнения, в российском обществе изменения в ДСП происходят с самого начала трансформаций. Сравнение доминирующей парадигмы тоталитарного и перестроечного периодов произведено О. Н. Яницким, предложившим концепты парадигм системной исключительности и системной адаптируемости. В советские времена действовала жесткая идеология, которая стала привычной «средой обитания человека и общества» [15], т. е. большая часть советского общества разделяла предлагаемые установки и ценности. Именно поэтому перестройка не могла сразу быть ориентирована на фундаментальные структурные изменения. По замыслу ее идеологов, новые идеи и идеалы должны были прорасти постепенно, благодаря политическим и экономическим преобразованиям (подробнее см.: [6]).

Задача данного исследования – выявить, сложилась ли новая доминирующая парадигма в результате длительных трансформационных процессов. В связи с этим следует определить, какие традиционалистские и инновационные ценности существуют сегодня, кто является их носителями и какие из них стали доминирующими.

Инструментом анализа станет концепт ДСП и ее изменение. Это позволит продемонстрировать наглядно, какие ценности (верования, установки, ориентиры и т.п.) доминируют в различных областях жизнедеятельности общества (социальная, экономическая, культурная, политическая и другие сферы), какие инновации в этих сферах находят свое проявление, какая часть российских граждан придерживается того или другого. Таким образом, попытаемся создать таблицу, содержащую основные компоненты современной ДСП и формирующейся внутри нее новой парадигмы.

Данные, необходимые для такого исследования, получены при помощи вторичного анализа уже опубликованных результатов, полученных учеными ИС РАН в ходе проектов, посвященных различным темам («20 лет реформ», «Мечты россиян», «Страхи и тревоги россиян» и др.). Включая в список данных не только результаты проектов, направленных на выявление ценностей, мы пытаемся верифицировать их и расширить их список. Кроме того, следует отметить, что эти проекты выполнялись в различные периоды 2000-х гг. (а некоторые исследования носят мониторинговый характер).

Рассмотрим основные составляющие современной российской ДСП (табл. 1).

Таблица 1

Взаимодействие с социальной средой

ДСП	Инновационные ориентиры
<ul style="list-style-type: none">– традиционная семья;– дети и родители – самые близкие люди;– друзья – устойчивое взаимодействие духовно близких людей;– взаимоотношения – это взаимопомощь и перманентное взаимодействие;– забота только о ближайших поколениях, но не о далеких будущих	<ul style="list-style-type: none">– семья, которая может видоизменяться;– взрослые дети – самостоятельные единицы, а престарелым родителям следует обеспечить (или они сами должны себе обеспечить) комфортную жизнь;– друзья – это партнеры, которые могут меняться, взаимодействие по мере необходимости; связи с нужными людьми;– взаимоотношения – партнерские и неустойчивые;– забота только о том, с кем непосредственно проживаешь

Среди терминальных ценностей ядром остаются семья и работа, которые оказались «весьма устойчивыми, инвариантными к происходящим фундаментальным общественным трансформациям» [2, с. 288]. Их доминирование подтверждается вне зависимости от предмета исследования: «...для подавляющего большинства наших сограждан [жизненным приоритетом] является семья. Эту сферу назвали очень важной или важной для себя практически все россияне (88 %)» [13, с. 34].

Исследователи указывают, что «даже восприняв новую для россиян установку на собственное благополучие, около 70 % опрошенных

из различных социальных групп подчеркивают важность благополучия своей семьи» [1, с. 156], а не своей личной.

Вслед за семьей, почти на одинаковом уровне значимости по шкале ценностей, находятся друзья, а за ними – коллеги по работе: «Социальный мир современного россиянина – это замкнутый на себе “малый мир” его семьи и друзей, в несколько меньшей степени – коллег по работе. Именно к ним он ощущает наибольшую привязанность (на это указали в ходе исследования почти 2/3 опрошенных)» [283, с. 277]. Это подтверждает и анализ круга общения россиян, который образован сегодня в основном родственниками (72 %), друзьями по работе (62 %) и старыми друзьями и приятелями (61 %), а также соседями (41 %).

Даже склонная в самой большей степени к инновациям молодежь, как показывают исследования, хотя и в меру индивидуалистична и честолюбива, но в структуре ее ценностей также доминирующие позиции занимают семья и дети, надежные друзья, образование, интересная, творческая работа [3].

Ученые констатируют, что «последняя сфера, которая обычно “сопротивляется” принятию правил игры, характерных для рыночных отношений, – система межличностного взаимодействия в рамках микромира: семьи и друзей» [11, с. 159].

Ценность труда как такового и работы как способа обеспечения финансового благополучия (табл. 2) носит терминальный характер, что выражается даже в мечтах россиян: «...в условиях пореформенной России типичная для ее граждан мечта об идеальной работе... отражает самостоятельную значимость труда как важнейшей ценности» [11, с. 131].

Таблица 2

Занятость и трудовые отношения

ДСП	Инновационные ориентиры
Работа – это: – дело жизни; – сама жизнь; – самореализация; – обеспечение семьи	Работа – это: – доход, прибыль; – самореализация и карьера; – обретение статуса; – источник доходов

В настоящее время происходящие в социально-экономической сфере процессы делают ориентацию на обретение постоянной занятости и достижение высокой профессиональной активности исключи-

тельно важной, обретающей жизненную значимость, составляя «основное содержание образа мышления и образа поведения значительной части россиян» [6, с. 59]. В результате «для 57 % россиян работа выступает прежде всего в роли источника доходов» [13, с. 86].

С этим теснейшим образом связана необходимость поиска соответствующей такой установке работы. Исследования показали, что способы этого поиска за время радикальных реформ претерпели «существенные изменения в структуре, свидетельствующие о повышении самостоятельности граждан в решении проблем трудоустройства». Одновременно констатируется, что «ведущее место среди них принадлежит обращению к друзьям и знакомым» [5, с. 7], что практиковалось и в советские времена и лишней раз подтверждает устойчивость и жизнеспособность тех традиционных ценностей, о которых говорилось выше.

Однако опросы свидетельствуют о динамике россиян в их отношении к деньгам и богатству как мерилу хорошей работы: «Эйфория зарабатывания денег и использования открывшихся (якобы) безграничных возможностей в этой области – даже в ущерб состоянию собственного здоровья в будущем – характерная для первого “рыночного” тринадцатилетия, к настоящему времени начала сменяться осознанием того, что деньги – не самое главное и чрезмерное увлечение их зарабатыванием может дорого обойтись человеку как в плане обустройства личной (семейной) жизни, так и в плане здоровья. И хотя в ценностно-мотивационном комплексе наших сограждан (в отличие от советской поры) деньги и величина заработков сегодня остаются на доминирующих позициях, отношение к ним всё же меняется» [2, с. 284]. И это свойственно не только людям старшего поколения, такие подходы появляются и в молодежной среде: «В отличие от молодежи 1990-х годов, которая жила в крайне тяжелых материальных условиях, нынешние молодые люди не мотивированы исключительно зарабатыванием денег, не приемлют неумеренного потребительства, безоглядного карьеризма и больше нуждаются в творческом саморазвитии, самовыражении, наиболее полной реализации своих способностей» [4, с. 277]. Хотя «как определенный феномен потребление пронизывает все общество, но именно современная молодежь, что признается многими специалистами, в силу своего возраста и свойственных ей качеств становится самым активным агентом потребления на рынке труда...» [6, с. 228]. Впрочем, эти же исследователи подчеркивают, что «с развитием этих установок в сознании части молодежи, хотя пока еще и не очень большой, все отчетливее вырисовывается протест против пре-

вращения материального подхода и потребления в основную жизненную цель человека» [6, с. 227].

Уровень доходов, получаемых в результате работы, теснейшим образом связан с карьерным ростом. Казалось бы, раз большинство респондентов одним из главных факторов своей жизни считают зарабатывание денег, то столь же велики должны быть установки на карьерный рост. Однако точной корреляции не прослеживается – установка на карьерный рост действует далеко не у большинства респондентов: «...в ходе анализа на основе ответов респондентов на вопросы о важности различных сторон работы были выделены три группы респондентов, характеризующиеся высоким (25,8 %), умеренным (35,5 %) и низким (38,7 %) уровнями развитости карьерных установок» [6, с. 138]. Таким образом, представленные результаты лишь подтверждают наметившуюся тенденцию.

На поиск россиянами иных ценностных ориентаций, связанных с работой, указывают и другие исследователи: «...в настоящее время большинство опрошенных заявляет, что готово потратить жизнь только на интересную работу. Более того, за последнее десятилетие доля таких выросла, а численность сторонников противоположной точки зрения сократилась на 8 %. Заметим, что ценность интересной работы доминирует во всех возрастных категориях» [11, с. 130].

Иные ценностные ориентации выявляются при изучении степени удовлетворенности трудом. Здесь на первый план выходит целый комплекс значимых для респондентов понятий: «...для большинства россиян работа – это не только деньги, но и способ самоутверждения, повышения собственного профессионального уровня, возможность почувствовать себя нужным, воплотить в жизнь свои идеи, просто пообщаться с коллегами» [11, с. 127–128]. При этом к тому, что им не нравится, относят низкую зарплату, а в том, что нравится, лидируют «хороший психологический климат в коллективе, интересная работа, хорошие отношения с начальством, работа дает возможность проявить инициативу», а последние места в шкале того, что нравится, занимают «возможность быть самому себе хозяином, возможность сделать карьеру» [13, с. 86–87].

Еще одной немаловажной ценностной установкой в сфере труда является хороший коллектив. Несмотря на атомизированность общества, сложившуюся или складывающуюся в ходе процесса социальной трансформации, «в трудовых коллективах сохранился высокий уровень межличностного доверия». По данным мониторинга РМЭЗ, «доля работников, доверяющих людям, с которыми они вместе работают, в

2007 г. составила 82,5 %, в том числе доверяющих полностью – 24,2 %» [5, с. 80].

Исследования демонстрируют более или менее устойчивое соотношение позиций в отношении рыночных отношений (табл. 3): в 2003 г. «20 % опрошенных хотели бы видеть в будущей России строй, основанный на рыночных отношениях, 16 % – социалистический строй, какой был в СССР, и 53 % – иной строй, который бы сочетал в себе элементы и рыночных, и социалистических отношений» [1, с. 158].

Таблица 3

Экономика

ДСП	Инновационные ориентиры
<ul style="list-style-type: none">– рынок в сочетании с социальными обязательствами;– общество высокого благосостояния;– национализация природных ресурсов (естественных монополий);– рост заработной платы;– сохранение рабочей силы в месте проживания	<ul style="list-style-type: none">– рынок без границ в любых современных формах;– согласие на неравенство без каких-либо оговорок;– приватизация тотальная;– рабочая сила должна быть дешевой;– мобильность рабочей силы

По мнению большинства респондентов, рыночные отношения в экономике должны сочетаться с выполнением государством социальных обязательств, которые оно само же декларировало: «Между тем, как бы ни иронизировали над практикой “партии власти”, её идеология достаточно очевидна и понятна – постепенное развитие рынка с сохранением каркаса государства и государственных институтов. Представляется, что с учётом сложившихся реалий и негативного опыта 1990-х гг., у подобной идеологии на самом деле сегодня нет альтернативы, и именно это обстоятельство определяет электоральные успехи власти в большей степени, чем административное давление и фальсификации на выборах, как это принято считать в оппозиционных кругах» [1, с. 153]. При этом, без сомнения, действует установка на формирование общества материального благосостояния, поскольку «...в настоящее время идеология массового потребления продолжает оставаться одной из доминирующих идей в жизни россиян, как условно правых, так и не менее условно левых» [1, с. 155].

Это благосостояние общества, по мнению россиян, должно или может быть основано на том, что природные богатства принадлежат

народу (в этом уверены 92 % опрошенных), а 76 % «выступают за необходимость укрепления государства во всех сферах жизни, национализацию крупнейших предприятий и стратегически важных отраслей» [11, с. 29].

В целом соотношение различных позиций в отношении рыночной экономики выглядит следующим образом: «капитализм, свободная рыночная конкуренция, частная собственность – 17 %; капитализм, рыночная экономика с элементами планирования, социалистических принципов – 25 %; социализм, плановая экономика с элементами рыночных отношений – 31 %; социализм, плановая экономика, государственная собственность – 22 %» [11, с. 91].

Основная установка – сильное независимое государство, обеспечивающее как свою целостность, так и безопасность граждан (табл. 4): «В глазах сегодняшнего общественного мнения это прежде всего государство – сильное, культурное, независимое, нравственное, богатое, безопасное для своих граждан, социальное, справедливое и правовое» [2, с. 286].

Таблица 4

Государство

ДСП	Инновационные ориентиры
<ul style="list-style-type: none">– сильное независимое государство;– патриотизм (безоговорочный);– социально ответственное государство;– чрезмерные запреты и давление со стороны государства неприемлемы	<ul style="list-style-type: none">– государство – не главное, важнее – свобода личности;– глобализм (гражданин мира);– ответственность самих членов общества за свою жизнь;– ограничение функций государства в целом

При этом большинство опрошенных придерживаются точки зрения, что «Россия должна быть великой державой, с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире» [11, с. 29]. Особо выделяются и представляют собой довольно крупную часть общества «сторонники сочетания сильного государства и скорее социалистических отношений», которые «полагают, что “необходимы укрепление роли государства во всех сферах жизни, национализация крупнейших предприятий и стратегически важных отраслей”, и одновременно выступают за социалистический тип экономики, с элементами рыночных отношений или без таковых. Эту группу, наиболее объ-

емную – 41 % от общей численности опрошенных...» [1, с. 149–150]. И даже большую часть молодежи («60 % даже среди 18–25-летних россиян, уже сформировавшихся в условиях новой России») составляют государственники [11, с. 151].

При всей разобщенности российского общества большая часть россиян склоняется к необходимости консолидации и связывает «свои надежды на лучшую жизнь прежде всего с соборным государственным целеполаганием, ориентированным не на интересы отдельных социальных групп и слоев и даже не на их согласование, а на общественные задачи и цели», что подтверждается тем, что «около 60 % опрошенных согласились с тем, что государство должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельных людей, а 71 % признали необходимым усиление роли государства во всех сферах жизни» [11, с. 46].

От государства респонденты ожидают «законности, достатка, эффективно функционирующих институтов, морального оздоровления общества и т.д.» Но достичь именно такого положения вещей различные слои общества предполагают диаметрально противоположными способами: «...если часть бизнеса, низовой бюрократии, бюджетников, городской молодёжи готова поддержать достижение этих целей через демократизацию и либерализацию общественной и политической жизни, то “традиционалистские” слои вектор возможных изменений усматривают в усилении “порядка” путем жёсткого, а в ряде случаев и силового подавления всех тех, кто якобы мешает властям этот порядок наводить» [12, с. 277].

Однако допустимая жесткость со стороны государства к отдельным социальным группам сочетается в общественном мнении с одной из основных установок в сфере взаимоотношений общества и государства: они должны строиться «по принципу: “вы нас не трогайте – мы вас трогать не будем”, или “лояльность – в обмен на невмешательство”» [12, с. 276]. С этим согласуется и нежелание населения активно бороться за свои права: «Очень многие россияне предпочитают не устранять препятствия, не бороться за свои социальные и экономические права, а спокойно, без излишней суеты “переживать” трудные времена, что в немалой степени связано с недоверием граждан к нынешним государственным институтам, которые не проявляют желания и неспособны эффективно защищать интересы обычных граждан» [6, с. 163].

Ключевые позиции здесь занимают ценности «социальное равенство» и «социальная справедливость» (табл. 5). При этом социальное равенство понимается как «равенство всех граждан перед законом»

(77 % опрошенных) и небольшая разница в уровне доходов людей (40 %) [11, с. 61]. Ученые констатируют, что «желаемая модель общественного устройства и его демократического “оформления” базируется на двух “китах”: правовой защищённости граждан и социальной справедливости» [11, с. 61]. Идея социальной справедливости «если и не на все 100 %, то точно на 90 % коррелирует с идеей общественного порядка» [1, с. 157].

Таблица 5

Социальные отношения

ДСП	Инновационные ориентиры
<ul style="list-style-type: none">– социальное равенство;– социальная справедливость;– равенство возможностей;– равенство перед законом;– человек – это личность, но одновременно и часть социального целого	<ul style="list-style-type: none">– неприемлемость уравниловки;– согласие на высокий уровень жизни лишь меньшинства общества;– согласие на использование наемного труда за минимальную его оплату;– самостоятельность судебных органов;– человек – центр жизни (права человека)

Отмечая запрос общества на установление рыночных отношений, полученные данные ученые интерпретируют как свидетельство того, что есть «готовность большей части россиян идти по пути социал-демократического развития», но социально-политический контекст («слабость и неразвитость демократических институтов и горизонтальных связей, индивидуализм и атомизация общества») ведет к тому, что в реальности «социалистические» мечты оборачиваются мечтами о сильном патерналистском государстве с его «раздаточной» функцией, которое сверху должно обеспечить социальную справедливость [11, с. 61].

Сравнивая ориентацию россиян на социальную справедливость с ориентацией на социальные свободы, авторы подчеркивают доминирование первой: «На этом общем скорее левом фоне большей части россиян, предпочитающих социальное равенство индивидуальной свободе, выделяется единственная группа, которую мы ранее назвали правыми либералами, в которой 79 % выбрали “общество индивидуальной свободы”. Выбор остальных групп – общество социального равенства» [11, с. 61].

Однако социальная справедливость в мнении россиян о будущем страны сопровождается «равными правами для всех, сильным государством, заботящемся о своих гражданах» и «правами человека, демократией, свободой самовыражения личности» [12, с. 265].

Наконец, оценивая степень укоренения социальной справедливости, респонденты исходят далеко не из личностных ощущений: «...оценивая текущую ситуацию с точки зрения ее справедливости или несправедливости, россияне руководствуются скорее представлениями о должном, справедливом обществе, нежели своими личными интересами, и такое представление о должном свидетельствует об особой нормативно-ценностной модели, существующей в стране» [11, с. 61].

Как видим из табл. 6, россияне проявляют крайнюю заинтересованность во всех рассмотренных сферах, «и только политика как сфера общественной жизни чаще оказывается для россиян неважной (6 %)» [13, с. 34].

Таблица 6

Политическая сфера

ДСП	Инновационные ориентиры
<ul style="list-style-type: none"> – порядок, сильное государство, но прислушивающееся к гражданам; – стабильность; – участие в принятии социально значимых решений; – демократия как власть народа; – стабильность, эволюционное развитие; – уверенность в завтрашнем дне; – самоуправление и саморегулирование в виде отказа от обращения к государству, когда это возможно; – модернизация – это наведение порядка, борьба с коррупцией, восстановление социальной справедливости и укрепление державной мощи 	<ul style="list-style-type: none"> – правовое государство; – перемены; – политические права и свободы; – демократия западного образца; – перемены, вплоть до революционных преобразований; – ответ на вызовы; – общедемократические свободы; – модернизация – это также наведение порядка и борьба с коррупцией, но одновременно и расширение возможностей свободного предпринимательства, и борьба за политические права против «государственной тирании»

Высоко оценивается россиянами такая ценность в сфере политики, как свобода: «Свыше 2/3 наших респондентов считают, что свобода – это то, без чего жизнь теряет свой смысл, и только треть соглашается с тем, что свобода второстепенна и ставят выше нее материальное благополучие» [11, с. 47]. Эта ориентация подтверждается и готовностью россиян к самостоятельности: «Как изменились люди и их отношения за последние 15–20 лет, какими они стали, по мнению россиян: одно из наибольших значений в позиции “усилились” получила “активность, целеустремленность, инициативность”» [11, с. 51].

Характерным подходом в оценке политических успехов «прочно внедрилась “уверенность в завтрашнем дне” в качестве важнейшей нереализованной ценности в нынешней России» [2, с. 284], а «примерно 68 % россиян продолжают придерживаться мнения о том, что “страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены”» [1, с. 145].

Однако авторы подчеркивают намечающуюся тенденцию в пользу утверждения в обществе либеральных установок в связи с тем, что носителями консервативных ценностей в большинстве случаев являются представители старших поколений, доля которых «превышает 55 % (у тех, кому от 46 до 55 лет) и даже 65 % (у россиян пенсионного возраста)».

Понимание самого понятия «демократия» и отношение к этому явлению менялись у россиян на протяжении всего периода трансформаций. В самом их начале «представления о демократии базировались на мечте (если к идейно-политическому концепту применим данный термин) о справедливо организованном обществе, которое виделось как российский аналог “государства всеобщего благоденствия”, органически сочетающий, с одной стороны, активную роль государства в экономике, сильную систему социальной защиты, а с другой – невмешательство государства в частную жизнь граждан, политические и гражданские свободы» [12, с. 265]. Но ход развития событий показал неправомочность таких надежд: «...выяснилось, что демократия сама по себе не гарантирует быстрого роста жизненного уровня населения, не спасает от административно-бюрократического произвола, произошли быстрый откат и разочарование в её ценностях» [12, с. 264–265].

Остальные составляющие демократии (политические права и свободы, включая право на выборы в органы власти, независимые медиа, наличие политической оппозиции, участие рабочих в управлении предприятиями, право на забастовку) не включены в приоритеты интересов россиян. Но при этом они видят «первопричину замедления движения России к демократии не в косности, инертности, неготовно-

сти общества к ней, а в выборе российского правящего класса, который предпочёл демократии собственность и власть. Так считают 65 % опрошенных» [12, с. 270].

Вполне правомочным выглядит то, что сегодня востребованной для граждан страны является «“демократия на каждый день”, т. е. не имитационные, а работающие институты, эффективность которых определяется степенью их влияния на политику властей, динамикой уровня и качества жизни, социальной защищённостью граждан, масштабами коррупции, реальным обеспечением не только политических, но и социально-экономических прав и свобод граждан и т. п.» [12, с. 271–272]. На необходимость обеспечения социальных и экономических прав граждан указывают 79 % опрошенных, а политические права и свободы считают приоритетными лишь 21 % [12, с. 272].

Очевидная дифференциация политических позиций создает необходимость согласования интересов, которое оказывается невозможным при опоре лишь на традицию, что становится все более ясным для россиян. Отсюда, по мнению авторов, запрос «на замену в роли ведущего регулятора социальных отношений традиции законом и уменьшение распространённости среди них правового нигилизма» [14, с. 121]. Но и тут все не так просто, поскольку большая часть российского общества является «сторонниками “консенсусной” модели законопослушания, предполагающей, во-первых, что нормы закона обязательны для всех и только в этом случае они готовы их соблюдать, а во-вторых, что эти нормы прошли моральную легитимизацию, т. е. соответствуют их представлениям о должном» [14, с. 122]. Такое убеждение рассматривается как общая социокультурная норма, «поскольку его разделяют (в среднем примерно в двух третях случаев) даже предприниматели, имеющие наёмных работников, и руководители разных уровней» [14, с. 122].

Массовые опросы о том, каким образом россияне планируют реализовывать свои мечты, подтверждают готовность населения к активным и самостоятельным действиям, вопреки распространённому мнению о патернализме населения: «Во-первых, упование на помощь государства не прозвучало вообще; во-вторых, большинство опрошенных (55 % всех опрошенных и 62 % молодых)» составляют план достижения своей мечты и сами реализуют его шаг за шагом» [11, с. 249].

Установка на модернизацию также разделила россиян, но не по линии «за и против» (в этом особых разногласий не просматривается), но по интерпретации самой сути требуемых инноваций. Эти позиции во многом объясняются различием в социализации сторонников той или иной интерпретации. Основной критерий здесь – социализация в

городской или сельской среде. На основании данных, полученных в ходе исследований в проекте «Готово ли общество к модернизации?», показано, что «51 % проживающих в них выходцев из сёл и лишь 29 % – из городов в числе этих приоритетов рассматривают в качестве ключевой идеи модернизации обеспечение социальной справедливости» [14, с. 116–117]. Эти цифры означают, что значительная часть жителей городов видят в качестве главной не вполне инновационную (но на сегодняшний день недостаточно исполняемую) социальную (а не политическую) функцию государства. Среди городов России специфически выделяются города-миллионеры, в которых «50 % выходцев из городов при 38 % выходцев из сёл... рассматривают в качестве такой идеи борьбу с коррупцией» [14, с. 117]. Социальную основу деятельности государства в процессе модернизации жители городов поддерживают и отводят именно ему в этой сфере главную роль: «Оценивая роль государства в социальной сфере, 51 % выходцев из сёл и лишь 38 % – из городов говорят в них о том, что государство должно обеспечить полное равенство всех граждан, включая имущественное равенство и равенство текущих доходов» [14, с. 117]. При этом в городах-миллионерах половина прошедших социализацию в городах «ориентированы на инициативу, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве», а 60 % жителей, унаследовавших сельскую культуру, «предпочитают инициативности уважение к сложившимся традициям, а поиску нового – следование привычному, принятому большинством» [14, с. 117]. Представляется, что при изменении условий для самореализации (рабочие места, достойная оплата труда и т.п.) и в остальных городах России процент поддерживающих установки на социальную поддержку государства начал бы снижаться. Иными словами, ориентация выходцев из средних и малых городов есть не идеологическая позиция, а результат адаптации к существующему социально-экономическому контексту. С нашей точки зрения, это подтверждается и выбором между ориентациями на индивидуальное разрешение собственных проблем и установкой на коллективизм: «Среди выходцев из городов гораздо сильнее выражены также индивидуалистические тенденции – около 60 % их считают, что отстаивать свои интересы можно, только рассчитывая на собственные силы, в то время как среди прошедших социализацию в рамках сельской культуры доминируют коллективистские установки – 56 % полагают, что чего-то добиться можно, лишь действуя вместе с другими, у которых те же проблемы» [14, с. 117]. И здесь еще стоит задуматься, какая из этих позиций более адекватна современной модели модернизации.

Таким образом, исследование того, к какой модернизации готово российское общество, показало, что «основной вектор модернизационных изменений они связывают в большей степени именно с задачами социальной модернизации, прежде всего – обеспечения равенства всех граждан перед законом и соблюдения гарантированных Конституцией прав человека, а не с политическими преобразованиями» [14, с. 117]. Под социальной модернизацией следует понимать, с нашей точки зрения, изменения социальных взаимодействий между обществом и властью.

Типы патриотизма в зависимости от уровня и качества модернизации в регионах России

Сегодня патриотизм актуализируется как проблема в связи с развитием глобальных процессов. Стирание граней между национальными государствами (в политическом смысле – ликвидация многих функций этих государств), между территориями (снятие барьеров мобильности), нивелирование родственных связей и привязанности к родной земле (жить и работать можно далеко от близких родственников, в любой стране) и т.п. подводит человечество к восприятию патриотизма как иррационального чувства.

Можно утверждать, что патриотизм как ценность выдержал в России множество противодействий, в том числе и осмысленно организованных [8]. И это только из Москвы кажется, что он сегодня возрождается. Анализ состава ДСП, произведенный выше, показывает его устойчивое наличие в системе ценностей российского общества.

Однако атаки на эту ценность осуществлялись и осуществляются. И не потому, что какая-то конкретная социальная группа стремится разрушить именно эту ценность, но потому, что современное мировое устройство настойчиво требует осуществления глобальных преобразований и в нашей стране. Проявляются эта связь инноваций и снижение ценности патриотизма весьма наглядно.

Работая методом глубинных интервью (их было 314 в 9 регионах России), мы стремились выяснить: что местных жителей устраивает в своем городе, а что кажется неприемлемым; хотят ли родители, чтобы их дети оставались жить там, где родились и провели детство; ощущают ли себя люди частью единого сообщества и что к этому ведет или этому препятствует; выявляли отношение к своей работе – это для них дело на благо соотечественников или просто зарабатывание денег; чем является для людей местная власть (инородным органом или частью местной жизни) и как это влияет на их взаимоотношения. Иными словами, мы пытались выявить, являются ли местные жители сообще-

ством, которое, собственно, и может быть базисом для возникновения чувства патриотизма.

В результате исследования выявлено три типа¹ отношений к Родине: *безоговорочный патриотизм* (т.е. любовь к Родине как таковой, без оглядки на лучшую жизнь где-то, без стремления разрушить сложившуюся систему ценностей или преобразовать ее в соответствии с другими образцами при установке на развитие); *преобразовательная любовь* к столице региона, которую следует довести до лучших образцов и организовать жизнь общества в соответствии с западными установками; *индифферентное отношение* к столице региона, отличающееся отсутствием стремления улучшить жизнь здесь и сейчас, поскольку это представляется невозможным, а по этой причине установка успешных и активных граждан – искать возможности собственной реализации где-либо в другом, более перспективном для развития месте.

Из девяти исследованных регионов к первому типу (*безоговорочный патриотизм*) отнесено три столичных города. Жители одного из них имеют давнюю традицию защиты государства, ибо издревле город являлся первым рубежом обороны страны во всех предыдущих войнах. Здесь и молодежь понимает, что надо жить и работать тут, где родился и вырос, поскольку выбора нет – «нас нигде не ждут и никому мы не нужны», как говорили наши респонденты – студенты университета. Два других региональных центра отличаются давними традициями развития – промышленного, сельскохозяйственного и культурного, т.е. развитием диверсифицированным, при опоре на свои исторические традиции, укорененные в региональном сообществе.

Ко второму типу (*преобразовательная любовь*) относятся, по нашему мнению, другие три региона. При этом один из них так же, как и в предыдущем случае, является историческим форпостом, но под влиянием непосредственно наблюдаемого западного образа жизни горожане осознают, что требуется изменить в их собственной жизни для организации общества в соответствии с этим образцом. При этом переехать в соседнюю страну стремления людей не выявлено. Два других – развитые промышленные центры, вся история которых заключается в развитии именно промышленности с соответствующими этому ценностями, среди которых основной является установка на рыночные отношения, столь необходимые для успешной реализации их устремлений.

Третий тип отношения к своему месту жительства (*индифферентное отношение*) характерен для оставшихся трех региональных столиц.

¹ Типологизация патриотизма как социального явления рассматривается в статье А.Н. Малинкина [10].

Общие их характеристики: слабое развитие культурной сферы; разрушенная в 1990-е гг. промышленность, которая либо начала сегодня восстанавливаться, либо город нашел способы приспособиться к новым условиям в хозяйственной сфере, так и не восстановив промышленность; недостаточная забота об инфраструктуре; внедрение в городскую инфраструктуру элементов, выглядящих модернизационно (большое количество торговых центров, в некоторых случаях непосредственно в центре города, небоскребы рядом с полуразвалившимися жилыми домами, новые здания управления транспортной сферы, смотрящиеся вызывающе по сравнению с окружающими и очень старыми постройками); отсутствие опоры на исторически сложившиеся ценности (а то и их отсутствие). Иными словами, это города, где включение внешне модернизационных объектов не сопровождается собственно модернизацией, в результате чего эти объекты оказываются в несвойственной им среде, в которой продолжает жить большая часть жителей. Последние оказываются в ситуации не востребоваемости и отсутствии заботы о них, что и влечет их ответную реакцию – индифферентное отношение к своему месту жительства. Очень часто респондентами в этих региональных столицах высказывалось мнение о бесперспективности проживания в них и о необходимости уехать в более благополучные и развивающиеся места.

Заключение

Любовь к Родине как месту своего существования естественна для основной части общества¹. И связано это чувство с восприятием места как непосредственной среды обитания. Это не только, а, может быть, и не столько природная или рукотворная окружающая среда (хотя и это тоже), но для человека это еще и сформировавшийся исторически социальный, культурный и философский (морально-этический) контекст, выпадение из которого чревато огромными потерями.

Современные процессы модернизации очевидно вступают в противоречие с ценностной системой российского общества, что приводит людей к разочарованию и индифферентному отношению к меняющейся в результате социальной среде и городской инфраструктуре. Еще хуже с настроением населения обстоят дела в тех городах, где модернизационных процессов по сути не происходит, зато массово появляются имитаторы модернизации в виде большого числа торговых центров, которые постепенно становятся основными местами проведения досуга, подменяя собой все культурные учреждения.

Любовь к своему месту жительства (т.е. патриотизм) главным образом проявляется там, где элементы модернизации не отменяют

¹ О наполнении понятия «патриотизм» различными смыслами подробнее см.: [9].

насильственно действующие традиции. Это города, где, наоборот, традиции поддерживаются и развиваются, иногда преобразовываются в соответствии с инновациями, которые проникают в нашу жизнь, и процесс этот объективный, а не искусственный.

Философия жизни, заключающаяся, с нашей точки зрения, в морально-этической системе, в сложившихся веками ценностях и традициях, есть фундамент жизнедеятельности нашего общества. Имплантировать в него инновационные нормы до некоторой степени удастся в мегаполисах и почти совсем не удастся на местном уровне. Сформировавшийся комплекс жизнеобразующих элементов можно назвать специфическим укладом. Нарушение этого уклада вызывает сопротивление – не протестное, но реально мобилизующее сообщества на его сохранение: в мирной жизни рутинными способами (сохранение его важнейших составляющих), в условиях военной угрозы – готовностью к консолидации ради защиты страны. Таким образом, с нашей точки зрения, российский патриотизм – явление неизбежное для общества, построенного на ценностных и культурных основаниях, и в современных геополитических и социальных условиях.

Литература

1. *Бызов Л.Г.* Представления и мечты россиян об устройстве России через призму ценностных и идейных противоречий общества // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 11 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2012. С. 142–168.
2. *Возьмитель А.А.* Образ жизни: от советского к российскому // Россия реформирующаяся : ежегодник Вып. 10 / отв. ред. М.К. Горшков. М.; СПб. : Ин-т социологии РАН, Нестор-История, 2011. С. 281–302.
3. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: социологический портрет. М. : ЦСПиМ, 2010. С. 129–131.
4. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М. : Весь мир, 2011. 328 с.
5. Динамика социально-экономического положения населения современной России и проблемы адаптации к измененным условиям труда и занятости (по материалам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения 1992–2008 гг.»). ИНАБ. № 4. М. : Ин-т социологии РАН, 2009. 96 с.

References

1. *Byzov L.G.* Predstavleniya i mechty rossiyan ob ustroystve Rossii cherez prizmu tsennostnykh i ideynykh protivorechiy obshchestva // Rossiya reformiruyushchayasya : ezhegodnik. Vyp. 11 / otv. red. M.K. Gorshkov. M. : Novyy khronograf, 2012. P. 142-168.
2. *Voz'mitel' A.A.* Obraz zhizni: ot sovet'skogo k rossiyskomu // Rossiya reformiruyushchayasya : ezhegodnik. Vyp. 10 / otv. red. M.K. Gorshkov. M.; SPb. : In-t sotsiologii RAN, Nestor-Istoriya, 2011. P. 281-302.
3. *Gorshkov M.K., Sheregi F.E.* Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret. M. : TsSPiM, 2010. P. 129-131.
4. *Dvadtsat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov / pod red. M.K. Gorshkova, R. Krumma, V.V. Petukhova.* M. : Ves' mir, 2011. 328 p.
5. *Dinamika sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya naseleniya sovremennoy Rossii i problemy adaptatsii k izmenennym usloviyam truda i zanyatosti (po materialam «Rossiyskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya 1992-2008 gg.»).* INAB. № 4. M. : In-t sotsiologii RAN, 2009. 96 p.

6. Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М. : Новый хронограф, 2013. 328 с.
7. Красин Ю.А. Метаморфозы российской реформации. Политические сюжеты. М. : Ин-т социологии РАН, 2009. С. 42–57.
8. Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 67–76.
9. Магарил С.А. Смыслы патриотизма: исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142–151.
10. Малинкин А.Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 87–117.
11. О чем мечтают россияне. Идеал и реальность. М. : Весь мир, 2013. 400 с.
12. Петухов В.В. Эволюция представлений россиян о демократии: от мечты до запроса на работающие институты // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 11 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2012. С. 264–288.
13. Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М. : Альфа-М, 2009. 272 с.
14. Тихонова Н.Е. Социальная модернизация и перспективы культурной динамики в России // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 10 / отв. ред. М.К. Горшков. М.; СПб. : Ин-т социологии РАН, Нестор-История, 2011. С. 77–94.
15. Яницкий О.Н. Индустриализм и инвайронментализм: Россия на рубеже культур // Социологические исследования. 1994. № 3. С. 26–32.
16. Catton W., Dunlop R. A new ecological paradigm for post-exuberant society // American Behavioral Scientist. 1980. Vol. 24, № 1. P. 15–47.
17. Dunlop R., Van Liere K. New environmental paradigm: a proposed measuring instrument and preliminary results // Journal of Environmental Education. 1978. Vol. 9. P. 10–19.
6. Kozyreva P.M., Nizamova A.E., Smirnov A.I. Resursy i praktiki sotsial'no-ekonomicheskoy adaptatsii naseleniya Rossii. M. : Novyy khronograf, 2013. 328 p.
7. Krasin Yu.A. Metamorfozy rossiyskoy reformatsii. Politicheskie syuzhety. M. : In-t sotsiologii RAN, 2009. P. 42-57.
8. Levashov V.K. Patriotizm v kontekste sovremennykh sotsial'no-politicheskikh realiy // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2006. № 8. P. 67-76.
9. Magaril S.A. Smysly patriotizma: istoricheskie transformatsii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2016. № 1. P. 142-151.
10. Malinkin A.N. Ponyatie patriotizma: esse po sotsiologii znaniya // Sotsiologicheskii zhurnal. 1999. № 1/2. P. 87-117.
11. O chem mechtayut rossiyanе. Ideal i real'nost'. M. : Ves' mir, 2013. 400 p.
12. Petukhov V.V. Evolyutsiya predstavleniy rossiyan o demokratii: ot mechty do zaprosa na rabotayushchie instituty // Rossiya reformiruyushchayasya : ezhegodnik. Vyp. 11 / отв. red. M. K. Gorshkov. M. : Novyy khronograf, 2012. P. 264-288.
13. Rossiyskaya povsednevnost' v usloviyakh krizisa / pod red. M.K. Gorshkova, R. Krumma, N.E. Tikhonovoy. M. : Al'fa-M, 2009. 272 p.
14. Tikhonova N.E. Sotsial'naya modernizatsiya i perspektivy kul'turnoy dinamiki v Rossii // Rossiya reformiruyushchayasya : ezhegodnik. Vyp. 10 / отв. red. M.K. Gorshkov. M.; SPb. : In-t sotsiologii RAN, Nestor-Istoriya, 2011. P. 77-94.
15. Yanitskiy O.N. Industrializm i invayronmentalizm: Rossiya na rubezhe kul'tur // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1994. № 3. P. 26-32.
16. Catton W., Dunlop R. A new ecological paradigm for post-exuberant society // American Behavioral Scientist. 1980. Vol. 24, № 1. P. 15-47.
17. Dunlop R., Van Liere K. New environmental paradigm: a proposed measuring instrument and preliminary results // Journal of Environmental Education. 1978. Vol. 9. P. 10-19.